

Уилки Коллинз
Женщина из сна
М.: Дом, 1995

Содержание:

- Уилки Коллинз. Семейная история (повесть, перевод Н. Кротовской), стр. 5-42
- Уилки Коллинз. Отель с привидениями (роман, перевод В. Харитоновой), стр. 43-157
- Уилки Коллинз. Повести и рассказы
  - Уилки Коллинз. Странная кровать (рассказ, перевод Н. Васильевой), стр. 158-171
  - Уилки Коллинз. Попался! (рассказ, перевод Н. Васильевой), стр. 172-194
  - Уилки Коллинз. Жёлтый тигр (рассказ, перевод В. Кулагиной-Ярцевой), стр. 195-212
  - Уилки Коллинз. Призрак Джона Джаго, или Живой покойник (повесть, перевод Э. Меленевской), стр. 213-258
  - Уилки Коллинз. Женщина из сна (повесть, перевод Н. Борисовой), стр. 259-299
  - Уилки Коллинз. Мёртвая рука (рассказ, перевод М. Ворсановой), стр. 300-314
  - Уилки Коллинз. Подсвечник (рассказ, перевод Н. Зюзгина), стр. 315-324
  - Уилки Коллинз. Мечь королевы (рассказ, перевод В. Кулагиной-Ярцевой), стр. 325-334

Уилки Коллинз

Странная кровать

Вскоре после окончания университета я вместе с одним своим приятелем, тоже англичанином, поселился в Париже. В ту пору мы оба были молоды и, каюсь, вели жизнь довольно беспутную в этом восхитительном городе, полном соблазнов. Однажды вечером мы прогуливались неподалеку от Пале-Рояля, не зная, чем занять себя. Мой друг предложил отправиться к Фраскати, но меня его предложение несколько не вдохновило. Игорный дом Фраскати я знал вдоль и поперек, как говорят французы. Не счесть, сколько пятифранковых монет я там выиграл и сколько проиграл, однако пытаться счастье за зеленым сукном меня побуждала не страсть к картам, а исключительно желание развлечься, и, в конце концов, это занятие совершенно наскучило мне. По чести сказать, я пресытился респектабельным игорным домом с его светскими условностями - согласитесь, в благопристойной карточной игре есть нечто противоестественное.

- Ради бога, - взмолился я, - пойдем куда-нибудь, где можно увидеть, как играют бедняки, настоящие плебеи, где не пытаются скрыть порок за фальшивой благопристойностью! Чем скучать у Фраскати, лучше поищем какое-нибудь заведение попроще, куда пускают в потертом сюртуке, а то и вовсе без него.

- Прекрасно, - сказал мой приятель, - чтобы попасть в такую компанию, нам даже не придется покидать Пале-Рояль. Здесь неподалеку как раз есть один притон, где бывает всякий сброд, на который тебе так хочется полюбоваться.

Уже в следующую минуту мы входили в тот самый дом. Поднявшись по лестнице и оставив у швейцара шляпы и трости, мы прошли в игорный зал. Там было немногочисленно. За столом сидело несколько игроков, при нашем появлении все они подняли головы, и мы увидели перед собою ярко выраженные социальные типы - во всей их ужасающей достоверности.

Ожидая встретить здесь людей, опустившихся на дно жизни, мы думали посмеяться над этими несчастными, но зрелище, представшее нам, просто ужасало. Во всяком плебейском развлечении есть известная доля комизма, здесь же перед нами открылась неподдельная трагедия, безмолвная и зловещая. В комнате стояла гнетущая тишина. Все хранили гробовое молчание: изможденный длинноволосый юноша с ввалившимися глазами, которые вспыхивали безумным блеском, когда крупье раскрывал карты; обрюзгший, с одутловатым, прыщавым лицом игрок, отмечавший булавкой выигравшую карту, пытаясь рассчитать, сколько раз выпадет красная, а сколько раз черная масть; грязный, сморщенный старик с хищными глазами, в заштопанном пальто - он спустил все до последнего су и теперь с отчаянием на лице следил за игрой, хотя сам уже не мог делать ставки. В напряженной атмосфере зала даже голос крупье звучал глухо и сдавленно. В этот притон меня привела погоня за развлечениями, но тут впору было плакать, а не смеяться. Чтобы как-то встряхнуться и не поддаться унынию, все более овладевавшему мной, я, не придумав ничего лучше, сел за стол и вступил в игру. К несчастью, как оказалось впоследствии, я начал выигрывать - мне невероятно, сказочно везло. Крупные выигрыши выпадали раз за разом, и вскоре остальные игроки столпились вокруг меня. С каким-то суеверным страхом они следили жадными взорами, как я делаю ставки, и шептали один другому, что этот неизвестно откуда взявшийся англичанин, похоже, сорвет банк.

Игра шла в красное и черное. Я бывал во многих игорных домах Европы, однако никогда не стремился, да и не испытывал никакого желания изучить теорию вероятностей, этот философский камень истинных игроков. В строгом смысле слова я никогда не был настоящим картежником, мною не владело пагубное влечение к игре, и я брался за карты лишь для того, чтобы скрасить скуку праздных вечеров. Меня никогда не гнала за карточный стол корысть, поскольку я не знал нужды в

деньгах. И я никогда не терял голову настолько, чтобы проиграть больше, чем мог себе позволить, или выиграть более той суммы, какую спокойно можно опустить в карман, не потеряв душевного равновесия от столь щедрого подарка фортуны. Словом, до той поры я посещал игорные дома точно так же, как ездил на балы и в оперу, - чтобы развеяться. И еще потому, что не мог придумать никакого более увлекательного занятия.

Но в тот вечер все произошло совершенно иначе: впервые в жизни мне довелось испытать настоящий карточный азарт. Сначала я растерялся от своей удачи, а затем точно хмель ударил мне в голову. Быть может, это покажется невероятным, но я непременно проигрывал, как только начинал просчитывать очередной ход и в согласии с этими расчетами делал ставку. Стоило же мне довериться случаю и поставить без всяких расчетов, не размышляя, как тут же выпадал выигрыш, хотя, казалось бы, игра складывалась в пользу банкмета. Поначалу некоторые игроки, готовые рискнуть, ставили на те же цвета, что и я. Но вскоре суммы настолько возросли, что они уже не отваживались искушать судьбу, бросали игру и, затаив дыхание, следили за мной.

Раз за разом я увеличивал ставку, и неизменно выигрыш оставался за мной. Напряжение за игорным столом достигло предела. Тишину нарушали лишь глухие проклятия и восклицания на разных языках, когда ко мне через весь стол сдвигали золото. Даже невозмутимый крупье, раздосадованный моим везеньем, швырнул лопатку на пол (чисто французский жест). Лишь один человек в игорном зале сохранял хладнокровие - я говорю о моем друге. Подойдя ко мне, он стал по-английски шепотом умолять меня прекратить игру и покинуть это заведение, удовольствовавшись и без того большим выигрышем. Надо признать, он не оставлял попыток образумить меня и отступил лишь после того, как я отказался его слушать в столь резких выражениях, что любой на его месте счел бы себя оскорбленным.

Не успел он уйти, как за моей спиной послышался хриплый голос:

- Позвольте мне, досточтимый сэр, позвольте мне вернуть на подобающее им место два наполеондора, которые вы обронили. Какая неслыханная удача, сэр! Поверьте старому солдату, уж я-то знаю толк в подобных вещах, мне еще не встречался другой такой счастливчик, как вы, - никогда! Продолжайте, сэр, *Sacre mille bombes!*¹ Не робейте - и банк будет ваш!

Обернувшись, я увидел высокого человека в сюртуке, обшитом кантами и галунами. Он кланялся мне, вежливо и непринужденно улыбаясь. Если бы в то время рассудок мой не покинул меня, я непременно бы заметил нечто подозрительное в облике старого солдата. Налитые кровью глаза навывкате, неопрятные усы и сломанный нос. Его грубый голос отдавал собой что ни на есть скверной казармой, а таких грязных рук видеть мне еще не доводилось даже во Франции. Однако все эти примечательные особенности внешности незнакомца не вызвали у меня ни малейшего отвращения. Одурманенный своим успехом, я совершенно потерял голову от восторга и готов был брататься со всяким, кто желал мне удачи. Взяв предложенную старым солдатом понюшку табаку, я похлопал его по плечу и заявил, что он самый честный малый на свете, самый доблестный ветеран Великой армии.

- Не отступать! - воскликнул мой новый приятель, возбужденно прищелкивая пальцами. - Вперед, к победе Сорвите банк! *Mille tonnerres!*² Сорвите банк, мой отважный английский друг!

И я продолжал наступление, причем столь успешно, что через четверть часа крупье объявил:

- Господа, на сегодня банк пуст!

Передо мною грудой лежали все банкноты и все золотые монеты банка.

Мне оставалось только сгрести в свой карман весь оборотный капитал игорного дома!

- Завяжите деньги в платок, досточтимый сэр, - сказал старый солдат, когда я, точно безумный, погрузил руки в груды лежащего передо мной золота - Упакуйте их так, как мы завязывали свой походный паек в Великой армии. Такой крупный выигрыш оттянет карманы любых бриджей. Вот так! Давайте сюда, складывайте вместе золото и банкноты! *Credie!*³ Какая удача! Обождите! Еще

---

¹ Тысяча проклятий! (фр.)

² Гром и молния! (фр.)

³ Черт возьми! (фр.)

один наполеондор упал на пол! А, *sacre petit polisson de napoleon!*⁴ Что, попался? Теперь, сэр, с вашего позволения, завяжите покрепче на два двойных узла - и готово, денежки в безопасности. Пощупайте-ка узелок! Пощупайте, счастливычик! Твердый и круглый, точно пушечное ядро - бабах! Если бы при Аустерлице в нас стреляли такими ядрами - *pot d'une ripe!*⁵ Если бы такими! А теперь что полагается сделать старому гренадеру, ветерану Великой армии Франции? Что, спрашиваю? Ну конечно же, предложить своему достойному английскому другу осушить бутылку шампанского на прощанье! Поднимем пенящиеся бокалы за богиню удачи Фортуну!

- Доблестный ветеран! Веселый старый гренадер! Непременно шампанского! Английское «ура» старому солдату! Ура! Ура! И да здравствует богиня Фортуна! Ура! Ура! Ура!

- Браво, англичанин! Любезный, великодушный англичанин, не иначе как в ваших жилах течет кровь веселой Франции! Еще по бокалу? А, ба - бутылка пуста! Ничего! *Vive le vin!*⁶ Я, старый солдат, ставлю еще бутылку и полфунта конфет в придачу!

- Нет-нет, ветеран! Ни в коем случае, старый гренадер! Теперь мой черед заказывать шампанское! Вот и оно. Выпьем же! За французскую армию! За великого Наполеона! За всех присутствующих! За крупье! За его достойную жену и дочерей, если они у него есть! За дам! За всех на свете!

Когда опустела вторая бутылка шампанского, мне показалось, будто я напился жидкого огня, - мой мозг пылал. Никогда еще за всю мою жизнь чрезмерные возлияния не оказывали на меня такого действия. Сказалось ли мое крайнее возбуждение? Или же что-то странное случилось с моим желудком? Или шампанское было необычайно крепким?

- Доблестный ветеран французской армии! - воскликнул я в припадке какого-то безумного веселья. - Я в огне! А вы? Это вы подожгли меня! Слышите, герой Аустерлица? Так выпьем же третью бутылку, дабы погасить пламя!

Но тут старый вояка покачал головой и так завращал глазами, что мне показалось, что они вот-вот выскочат из орбит. Потом, поднеся грязный указательный палец к своему сломанному носу, торжественно изрек: «Кофе!» - после чего исчез в соседней комнате.

Слово, произнесенное чудачком-ветераном, произвело магическое действие на остальных игроков. Все, как по команде, поднялись и удалились. Скорее всего, они рассчитывали воспользоваться моим опьянением, но, увидев, что мой новый добрый друг не даст мне напиться до беспомыслия, поняли, что им нечего надеяться отнять у меня выигрыш. Как бы там ни было, они дружно удалились. Когда старый вояка вернулся и сел за стол напротив меня, в игорном зале не осталось никого, кроме нас двоих. Через распахнутые двери я видел, как в соседней комнате, похожей на вестибюль, в одиночестве ужинал крупье. Тишина, казалось, стала еще глубже.

Заметная перемена произошла и в отставном герое. Он как-то торжественно приосанился, и когда вновь заговорил, то уже не пересыпал свою речь проклятьями, не расцвечивал ее восклицаниями и риторическими вопросами и не прищелкивал пальцами.

- Выслушайте меня, досточтимый сэр, - заговорил он доверительным тоном заговорщика. - Выслушайте совет старого солдата. Я поговорил со здешней хозяйкой (между прочим, милейшая особа, а какая бесподобная кулинарка!) и попросил ее сварить вам хороший, крепкий кофе. Вы должны его выпить, прежде чем отправитесь домой. Это поможет вам немного успокоиться после всех приятных волнений. Непременно сделайте это, мой добрый, великодушный друг! Вам нужно довести до дома в целостности и сохранности большие деньги, и ваш святой долг перед самим собой, чтобы голова у вас была трезвая. Джентльменам, присутствовавшим здесь сегодня вечером, известно, какую фантастическую сумму вы выиграли. В определенном смысле они вполне достойные, прекрасные люди, но, мой дорогой сэр, как всем смертным, им не чужды маленькие слабости. Нужно ли мне продолжать? О нет, нет!

Вы все поняли! А теперь сделайте так, как я скажу: немного погодя, когда вам станет лучше, пошлите за кабриолетом. Сев в него, непременно задержите окна и прикажите везти вас только по

---

⁴ Проклятый проказник! (*фр.*)

⁵ Черт побери (*фр.*)

⁶ Да здравствует вино (*фр.*)

хорошо освещенным, многолюдным улицам. Последуйте моему совету - и вы сохраните свои деньги, да и жизнь. Послушайте меня, и завтра вы будете благодарить старого солдата, который от чистого сердца дал вам такой прекрасный совет.

Не успел отставной вояка закончить свою патетическую речь, как принесли две чашки кофе, и одну из них мой заботливый опекун с поклоном протянул мне. Я умирал от жажды и выпил кофе залпом. В тот же самый миг голова моя пошла кругом, и я почувствовал себя совсем охмелевшим. Комната завертелась у меня перед глазами, а старый солдат, точно поршень в паровой машине, запрыгал вверх и вниз. От страшного звона в ушах я почти оглох и впал в состояние полной растерянности, беспомощности, едва ли не слабоумия. Я поднялся со стула и, ухватившись за стол, чтобы удержать равновесие, пробормотал, что чувствую себя совершенно ужасно и не знаю, как доберусь домой.

- Дорогой друг, - произнес старый солдат, и, казалось, его голос тоже взлетал вверх и падал вниз: - Дорогой друг, с вашей стороны было бы полным безрассудством выходить сейчас на улицу. В таком состоянии вас ничего не стоит ограбить и убить. Я собираюсь переночевать здесь и советую вам последовать моему примеру - в этом доме можно снять комнату на ночь. Выспитесь, винные пары улетучатся, и утром вы спокойно отправитесь домой со своими деньгами - утром, при свете дня.

В моей помутившейся голове брезжили только две мысли: во-первых, ни в коем случае нельзя выпускать из рук узелок с деньгами, во-вторых, нужно немедленно где-то залечь и заснуть. И потому я согласился остаться на ночлег. Полностью доверившись своему опекуну, я оперся на предложенную ветераном руку, сжимая в свободной руке узелок с деньгами. Крупье провел нас по темным коридорам, затем мы поднялись по лестнице и вошли в спальню, где я мог расположиться на ночь.

Горячо пожав мне руку, отставной герой предложил вместе позавтракать утром, а затем удалился в сопровождении крупье.

Бросившись к умывальнику, я жадно напился из кувшина, а оставшуюся воду вылил в таз и окупал в него лицо. Затем опустился на стул и постарался собраться с мыслями. Вскоре мне стало лучше. После духоты игрового зала я с облегчением вдыхал прохладный воздух комнаты, в которой очутился, а после резкого газового освещения «салона» глаза мои отдыхали в спокойном свете свечи. Все это прекрасно дополнило освежающее воздействие холодной воды. Голова перестала кружиться, и понемногу я начал приходить в себя. Первой моей мыслью было: я подвергаю себя опасности, оставшись ночевать в притоне. Но потом я подумал, что рисковал бы еще больше, если бы решился уйти из игорного дома и отправиться в одиночестве домой по ночным парижским улицам с такой большой суммой денег. Я много путешествовал, и мне не раз случалось проводить ночь в еще более скверных местах, чем этот притон. Поэтому я не только запер дверь на ключ и задвижку, но еще и забаррикадировался, а в остальном положился на судьбу.

К тому же я постарался обезопасить себя от любого вторжения.

Заглянув под кровать и в шкаф, проверил, прочно ли закрыты окна, и, предприняв все эти меры предосторожности, уже со спокойной душой разделся, поставив тусклую свечу на плиту очага, покрытую толстым слоем золы, и лег в постель, спрятав под подушку узелок.

Вскоре мне стало ясно, что я не только не могу заснуть, но даже не в силах сомкнуть глаз. Сна не было и в помине, я весь горел, точно в лихорадке. Каждый мой нерв дрожал, все чувства были сверхъестественно обострены. Я вертелся с боку на бок, ложился то так, то этак, стараясь найти местечко попрохладнее, но сон не шел ко мне. Я то вытягивал руки поверх одеяла, то убирал их, то резко выпрямлял ноги, то судорожно подтягивал их чуть ли не к подбородку, взбивал смятую подушку, переворачивал ее на прохладную сторону, расправлял и спокойно ложился на спину, потом вдруг с ожесточением перегибал ее пополам и, отшвырнув к спинке кровати, пытался устроиться спать сидя. Однако все мои старания были тщетны. Я стонал от досады, предчувствуя, что мне придется испытать все муки бессонницы.

Чем я мог занять себя? Читать было нечего. Между тем я понимал, что если не придумаю, как мне отвлечься, то наверняка начну воображать себе разные ужасы, истерзаю свой мозг ожиданием

всевозможных реальных и вымышленных опасностей. Словом, к утру доведу себя до изнеможения всякими мнимыми страхами, ночными химерами, рожденными в моем воспаленном мозгу.

Я приподнялся и, опершись на локоть, обвел взглядом комнату, освещенную лившимся через окно мягким лунным светом. Мне захотелось узнать, нет ли здесь какой-либо картины или иных предметов обстановки, которые можно было бы разглядеть. Блуждая взглядом по стенам, я вдруг вспомнил восхитительную книжку де Местра «Путешествие по моей комнате». И тогда, чтобы скрасить себе тягостные часы бессонницы, я решил в подражание этому французскому писателю составить перечень всех вещей, находившихся в спальне, и, перебирая их по очереди, посмотреть, какие ассоциации они мне подскажут, что возникнет в моем воображении при виде самого обычного стула, стола или умывальника.

Однако оказалось, что в моем взвинченном состоянии гораздо легче составить такой перечень, чем пытаться размышлять, и вскоре я оставил все попытки подражать прихотливым размышлениям де Местра и, более того, вообще о чем-либо думать. Взгляд мой лишь машинально переходил с предмета на предмет, и ничего более.

Итак, прежде всего кровать, на которой я лежал, - кровать под балдахином, которые поддерживали четыре столбика. Меньше всего можно было бы ожидать встретить в Париже настоящую английскую кровать - громоздкое сооружение с неизменным пологом из ситца и традиционным балдахином, отделанным бахромой. Как и положено, ситцевый полог, столь вредный для здоровья, наглухо задергивался, и, помню, как войдя в комнату, я машинально раздвинул его до самых колонок, - но сама по себе кровать ничем особенным не привлекала к себе моего внимания. Кроме того, в комнате стоял мраморный умывальник, и с него на каменный пол падали редкие капли - наливая себе второпях воду, я неосторожно расплескал ее. Затем два небольших стула, на которых висели мой сюртук, жилет и брюки. Далее - массивное кресло, обитое грязно-серым канифасом, на его спинку я кинул галстук и воротничок от рубашки. На комод без двух медных ручек красовалась помпезная сломанная фарфоровая чернильница. Туалетный столик с маленьким зеркалом и удивительно большой подушечкой для булавок. Затем окно, на редкость широкое. И наконец, потемневшая старинная картина, на которую падал слабый свет свечи. Это был портрет мужчины в высокой испанской шляпе, украшенной пышным плюмажем. Человек был смугл и мрачен, и весь его вид выдавал в нем большого прохвоста. Мужчина стоял, задрал голову, и смотрел из-под руки вверх - явно с какой-то целью, не просто так. Скорее всего, рассматривал виселицу, на которой его собирались вздернуть, и, судя по всему, он вполне заслужил подобную участь.

Не знаю почему, но созерцание этой картины побудило и меня поднять глаза вверх и посмотреть на балдахин над кроватью. Не обнаружив в нем ничего примечательного, я вновь перевел взгляд на картину и сосчитал перья на шляпе - они выделялись с удивительной четкостью: три белых и два зеленых. Потом стал рассматривать тулью шляпы. Ее коническая форма соответствовала моде, которую ввел, кажется, Гвидо Фоке. Интересно, на что же смотрит этот человек? Конечно же, не на звезды, ведь проходимец явно не был ни астрологом, ни звездочетом. Скорее всего, на высокую виселицу, где ему, видимо, совсем скоро предстояло болтаться. Как знать, не досталась ли палачу его шляпа с высокой тульей и плюмажем! Я снова пересчитал перья - три белых и два зеленых.

Во время этого весьма интеллектуального и возвышенного занятия мысли мои начали свободно блуждать сами по себе. Лунный свет, проникавший в комнату, чудесным образом разбудил во мне воспоминания о другой лунной ночи, в Англии, - после одного пикника, проведенного с компанией друзей в живописной валлийской долине. Я давным-давно и думать забыл об этой поездке, а теперь мне в мельчайших подробностях вспоминалось наше возвращение домой по красивейшей местности, казавшейся в лунном свете еще прекраснее. Если бы я сам захотел вызвать в памяти события той давней ночи, то, разумеется, мало что вспомнил бы об этом давно минувшем эпизоде своей жизни. Из всех загадочных свойств человеческой природы нет более убедительного доказательства бессмертия души, чем память. Вот я находился в странном, весьма подозрительном доме, не представляя, что меня ждет, быть может, даже смерть от рук злодеев, и, по всей

видимости, угроза близкой опасности не должна была бы располагать к воспоминаниям. А между тем в моей памяти сами собой оживали, казалось, навсегда забытые места, люди, разговоры и множество всяких мелких подробностей, которые в других, более благоприятных обстоятельствах я не смог бы припомнить, даже если бы очень захотел. И что же послужило толчком, мгновенно оказавшим столь странное, сложное и необъяснимое действие? Всего-навсего лунный свет, льющийся в окно моей спальни.

Я вновь переживал все забавные перипетии того пикника: веселое возвращение домой, наши шутки и смех; вспоминал, как одна впечатлительная особа, вдохновленная сиянием луны, читала наизусть «Чайльд-Гарольда». Мысли о прошлом полностью поглотили меня. Но внезапно нить воспоминаний резко оборвалась, и внимание мое немедленно переключилось на окружающую действительность, и я вдруг с удивительной ясностью осознал, что непонятно почему снова пристально рассматриваю картину.

В самом деле - зачем?

Боже милостивый! Этот висельник надвинул себе шляпу до бровей! Да нет же! Шляпа вообще исчезла! Куда подевалась ее коническая тулья! Где перья - три белых и два зеленых? Их нет и в помине! Что это за пыльный предмет, за которым скрылся сначала лоб мужчины, потом глаза и поднесенная к ним рука?

Неужели кровать перемещается?

Перевернувшись на спину, я посмотрел вверх. Что со мной? Помрачение рассудка? Или я просто пьян, грежу? Или у меня снова головокружение? Неужели балдахин опускается вниз - медленно, плавно, бесшумно и страшно, - опускается прямо на меня, простертого внизу на кровати?

Кровь застыла у меня в жилах. Скованный ледяным страхом, я повернул голову и вновь посмотрел на картину, чтобы окончательно убедиться, действительно ли балдахин смещается вниз. С первого же взгляда все стало ясно. Черный, уродливый, пыльный край балдахина напал на несчастного висельника, скрыв его уже до пояса. Затаив дыхание, я смотрел на картину. Медленно - ужасно медленно - исчезла из глаз вся фигура человека, а затем и нижняя часть рамы.

По натуре я далеко не робкий человек и не раз попадал в сложные ситуации, но самообладание никогда мне не изменяло. Однако в тот момент, осознав, что балдахин и в самом деле сползает вниз, опускается медленно и неотвратно, я оцепенел от ужаса и лежал, не в силах оторвать взгляд от чудовищной машины уничтожения, которая надвигалась на меня, чтобы расплющить прямо на постели.

Неотрывно глядя вверх и затаив дыхание, я не смел шевельнуться. Свеча, догорев, погасла, но в комнате было светло от луны. Все ниже и ниже бесшумно и неумолимо сползал балдахин, а я, скованный ледяным страхом, лишь смотрел на него, как зачарованный. Все ниже и ниже опускался балдахин - и вот уже запах пыли, въевшийся в ткань, коснулся моих ноздрей.

В последнее мгновение инстинкт самосохранения вывел меня из оцепенения, и, надо сказать, весьма вовремя. Я успел перекатиться через край кровати, но, бесшумно падая на пол, уже задел плечом смертоносный балдахин.

Я тотчас же поднялся на колени, даже не переведя дыхания и не стерев холодный пот со лба, и стал рассматривать балдахин. То, что я увидел, заставило меня буквально остолбенеть. Если бы в тот момент за моей спиной послышались шаги, я не нашел бы в себе силы обернуться, и если бы вдруг передо мной чудесным образом открылся путь к спасению, то не смог бы двинуться с места, чтобы воспользоваться им, - настолько потрясло меня то, что открылось глазам.

Балдахин дошел до самого низа, до упора всей своей тяжестью надавил на постель, так что между ними нельзя было бы просунуть и палец.

Ощупав его со всех сторон, я обнаружил, что предмет, казавшийся снизу обычным легким балдахином на четырех колонках, в действительности скрывал под драпировкой, толстый, широкий матрас. Взглянув вверх, я увидел четыре некрасиво торчавших столбика, а из центра балдахина поднимался к потолку огромный деревянный винт, который управлялся через отверстие в потолке, как управляют прессом в давяльной машине. Страшный агрегат перемещался совершенно бесшумно. Когда он опускался, то ни разу не скрипнул, и сейчас из комнаты наверху не доносилось

ни малейшего шума. Окруженный мертвой и зловещей тишиной, я видел перед собой - в девятнадцатом веке, в столице цивилизованной Франции! - орудие тайного убийства, которое могло бы использоваться разве что в самые мрачные времена инквизиции на каком-нибудь уединенном постоялом дворе в горах Гарца для приведения в исполнение приговоров таинственных трибуналов Вестфалии.

И пока я, не смея шевельнуться и едва дыша, как зачарованный смотрел на это чудовищное изобретение, рассудок мой постепенно прояснялся, и страшный план моего убийства дошел до сознания во всей его жути.

Судя по всему, мне подмешали в кофе какое-то зелье, оказавшееся слишком сильным. Чрезмерная доза неизвестного наркотика вызвала невероятное возбуждение всего моего организма и не позволила погрузиться в забытие. Как же я злился и досадовал на терзавший меня приступ лихорадки, но теперь я понял, что это спасло мне жизнь! Как же безрассудно было с моей стороны довериться двум негодьям, задумавшим овладеть моим выигрышем! Они привели меня в эту комнату, чтобы прикончить спящего с помощью надежного и чудовищного орудия тайного убийства. Сколько же несчастных, которым так же, как мне, привалил большой выигрыш, засыпало в той постели, как должен был заснуть и я, и больше их никто не видел и не слышал! От такой мысли мороз пробежал у меня по коже.

Но мои размышления были прерваны, поскольку смертоносный балдахин вновь пришел в движение. С того момента; как он коснулся кровати, прошло, наверное минут десять, и теперь он пополз вверх. Вероятно, душегубы, которые управляли им из комнаты наверху решили, что дело сделано.

По-прежнему медленно и бесшумно страшный балдахин возвращался на свое место. Дойдя до верха столбиков, он уперся в потолок, скрыв собой и отверстие, и винт. Кровать снова стала похожа на обычную кровать, и даже самый придирчивый глаз не заметил бы в балдахине ничего подозрительного.

Наконец ко мне вернулась способность двигаться, я смог подняться с колен, оделся и принялся обдумывать, как мне выбраться отсюда. Если я выдам себя хотя бы малейшим шумом, и мои убийцы поймут, что им не удалось задушить меня, то гибели мне не избежать. Не допустил ли я уже какой-нибудь оплошности? Устремив взгляд на дверь, я весь обратился в слух.

Нет! Из коридора не доносилось ни звука, и в комнате наверху не слышно было шагов - во всем доме стояла мертвая тишина. Собираясь ложиться спать, я не только запер дверь на ключ и задвижку, но еще придвинул к ней тяжелый деревянный ящик, который обнаружил под кроватью. Нечего было и думать о том, чтобы неслышно отодвинуть этот ящик (при мысли о его возможном содержимом я похолодел). Более того, было бы чистым безумием пытаться незаметно выбраться через запертый на ночь дом. Оставался единственный путь бегства - окно. Ступая на цыпочках, я подкрался к нему.

Моя спальня находилась на втором этаже, над антресолями; окно выходило на задний двор. Я осторожно протянул руку, чтобы открыть окно, понимая, что сейчас, когда я находился на волосок от смерти, от этого простого движения зависело мое спасение. В доме, где совершается убийство, держат ухо востро. Если скрипнет рама или щеколда, я погиб! Чтобы открыть окно, потребовалось не менее пяти минут, если считать по времени, и часов пять, если учитывать то напряжение душевных сил, которого мне это стоило. Я проделал эту операцию совершенно бесшумно, с ловкостью настоящего взломщика, и наконец, выглянув на улицу, посмотрел вниз на тротуар. Увы! Прыжок с такой высоты означал бы верную гибель. Внимательно оглядевшись по сторонам, я заметил вдоль левого угла дома большую водосточную трубу, до нее можно было дотянуться из окна. В ту же секунду я понял, что спасен, и наконец-то перевел дух - впервые с того момента, когда увидел, что на меня опускается балдахин, который вот-вот станет крышкой моего гроба!

Обнаруженный мною путь спасения кое-кому мог бы показаться трудным и довольно опасным - меня же несколько не смущала перспектива спуститься по водосточной трубе. Благодаря занятиям гимнастикой я со школьных лет сохранил навыки бесстрашного и умелого верхолаза. Не приходилось сомневаться, что моя голова, руки и ноги надежно послужат мне во всех неожиданных

ситуациях, связанных с преодолением высоты. Я уже перекинул ногу через подоконник, как вдруг вспомнил, что оставил под подушкой узелок с деньгами. Без них вполне можно было обойтись, но у меня мелькнула в голове злорадная мысль: мерзавцы из игорного дома напрасно торжествуют - им не достанется ни их жертва, ни добыча. Я вернулся и, вынув узелок из-под подушки, повесил его на галстук и перекинул за спину.

Когда узелок был уже удобно закреплен, до моего слуха донесся какой-то шорох - казалось, за дверью кто-то дышал. Я вновь похолодел от страха и замер, прислушиваясь. Но нет! Слава богу, в доме по-прежнему было тихо как в могиле - я ощущал лишь, как слабый ночной ветерок струится в комнату. Не медля более ни секунды, я вскочил на подоконник и в следующее мгновение уже крепко ухватился руками и ногами за водосточную трубу.

Осторожно спустившись на землю, я со всех ног бросился бежать в ближайшую префектуру, которая, насколько мне было известно, располагалась неподалеку. По счастью, супрефект и несколько его подчиненных не спали, составляя план поимки неизвестного преступника, совершившего убийство, взбудоражившее весь Париж. Моя торопливая, сбивчивая речь, к тому же мой скверный французский поначалу явно заставили супрефекта предположить, что не иначе как этот подвыпивший англичанин кого-то ограбил. Однако очень скоро его мнение изменилось, и я еще не успел закончить свой рассказ, а он уже свалил все бумаги в ящик стола, надел шляпу, одолжив мне другую (поскольку моя осталась в игорном доме), а затем, вызвав отряд солдат, приказал своим подчиненным захватить инструменты, необходимые для взлома дверей и каменного пола. Затем, дружески взяв меня под руку, вместе со мной вышел на улицу. Возьму на себя смелость утверждать, что когда супрефект был маленьким мальчиком и его впервые повели в театр, он даже наполовину не испытывал такого удовольствия, как в эти минуты, когда предвкушал, какой потрясающий эффект произведет наше появление в игорном доме.

По дороге, решительно шагая во главе нашего *posse comitatus*⁷, супрефект, вновь подробно расспросив меня обо всем, поздравил с чудесным спасением. Подойдя к дому, солдаты окружили его со всех сторон. Град тяжелых ударов обрушился на дверь. В окне появился свет. Мне велели спрятаться за спинами полицейских. Затем в дверь вновь громко заколотили, и прозвучал приказ: «Именем закона - откройте!» При этих грозных словах чья-то невидимая рука загремела болтами и задвижками, и дверь отворилась. Стремительно шагнув в коридор, супрефект столкнулся лицом к лицу со слугой, полуодетым и мертвенно-бледным. Произошел следующий короткий разговор:

- Мы хотим видеть англичанина, который ночует в этом доме.

- Он давно ушел.

- Неправда. Ушел его друг, а он остался. Проводите нас в его комнату!

- Клянусь вам, господин супрефект, его здесь нет! Он...

- А я говорю вам, англичанин здесь. Он остался ночевать в этом доме, да только комната показалась ему неудобной, и он пришел к нам с жалобой на вас. Вот он, позади моих людей, и я намерен сейчас поискать блох в его постели. Реноден! - обратился супрефект к одному из полицейских, указывая на слугу. - Задержите этого человека и свяжите ему руки! А теперь, господа, войдемте!

Привели всех, кто был в доме, и первым - «старого солдата». Я опознал кровать, на которой собирался спать, а затем мы поднялись в комнату наверх.

На первый взгляд, в ней не было ровным счетом ничего подозрительного. Супрефект внимательно осмотрел комнату и, приказав всем молчать, дважды топнул по полу. Потом, взяв свечу, изучил то место, где стоял, и распорядился разобрать пол. Приказание было мгновенно исполнено. К образовавшемуся отверстию поднесли свет, и нашим глазам предстала глубокая дощатая ниша между полом комнаты и потолком нижнего этажа. Через нее перпендикулярно проходил железный короб, обильно смазанный машинным маслом. Внутри него оказался винт, соединенный с балдахином кровати в комнате, где я ночевал. Здесь же находились разобранные детали механизма винта, также покрытые маслом, обернутые в войлок подъемники и прочие части тяжелого пресса, сконструированного поистине с дьявольской изобретательностью: он разбирался

---

⁷ Патруль (лат.)

до мельчайших деталей, которыегодились бы для небольшого компаса, - все их нашли и подняли наверх.

Немного повозившись, супрефект собрал все это сложное сооружение и, приказав своим людям запустить машину, вместе со мной вернулся в спальню. Смертоносный балдахин вновь пополз вниз, но не столь бесшумно, как в первый раз. Я сказал об этом супрефекту и услышал в ответ страшное в своей простоте объяснение.

- Мои люди, - сказал супрефект, - впервые управляют этой машиной. У тех же, чьи деньги вы выиграли, было больше опыта.

Мы покинули игорный дом, оставив для охраны двух полицейских, - все его обитатели без промедления были препровождены в тюрьму.

Вернувшись к себе в кабинет, супрефект записал мои *proces verbal*⁸, а затем вместе со мной отправился в гостиницу, чтобы взять у меня паспорт.

- Вы полагаете, - спросил я, протягивая ему паспорт, - что в этой постели действительно кого-то задушили таким же образом, как пытались справиться со мной?

- Я видел в морге десятки утопленников, - ответил супрефект, - в бумажниках которых находили предсмертные записки - якобы эти несчастные, проиграв все до последнего гроша, решили покончить с жизнью, бросившись в Сену. Разве можно узнать, сколько из этих утопленников побывали в том же самом игорном доме, что вы, заснули в той же самой постели и нашли в ней свою смерть? А затем их тайно выбросили в реку, сунув в бумажник записку, написанную их убийцами... Никто не знает, сколько людей, много или мало, стали жертвами злодеев, от которых вам удалось ускользнуть. Убийцы из игорного дома надежно прятали свою чудовищную машину - даже от полиции! - а мертвецы, как известно, не выдают тайн. Спокойной ночи, вернее, доброе утро, господин Фолкнер! Жду вас у себя в девять часов. *Au revoir!*⁹

Осталось рассказать немного. Я еще несколько раз давал показания. Игорный дом тщательно обыскали снизу доверху. Арестованных допрашивали по отдельности, и двое из них, наименее причастные к преступлениям, во всем сознались. Оказалось, что старый солдат был хозяином игорного дома. Как стало известно правосудию, его уволили из армии много лет назад за мошенничество, и с тех пор он вел преступную жизнь. У него в доме обнаружили краденые вещи, которые опознали их владельцы. Выяснилось, что тайну кровати знали он, крупье, еще один сообщник и женщина, сварившая мне кофе. Поскольку не удалось доказать, что остальным домочадцам было что-либо известно о страшной машине, то приговор, вынесенный им, оказался не особенно суров: с ними обошлись просто как с ворами и бродягами. Что же касается старого солдата и двух его сообщников, то их отправили на каторгу. Женщину, подсыпавшую мне зелье в кофе, приговорили к тюремному заключению - не помню, на сколько лет. Завсегдаев игорного дома признали подозрительными личностями, и за ними был установлен полицейский надзор. А я стал главной знаменитостью в парижском обществе на протяжении целой недели (а это большой срок).

Происшествие, приключившееся со мной, послужило сюжетом для пьес трех известных драматургов, - правда, ни одна из них не увидела света рампы, поскольку цензура запретила воспроизводить на сцене точную копию кровати из игорного дома.

Этот случай имел одно несомненно благое последствие, которое одобрила бы любая цензура: он навсегда избавил меня от привычки проводить время за игрой в «красное и черное». Вид зеленого сукна с колодами карт и грудями золотых монет сразу же заставляет меня вспомнить балдахин, бесшумно опускающийся во мраке ночи.

Перевод Н.Васильевой

<http://www.beth.ru/collins/strange.htm>

---

⁸ Устные показания (фр.)

⁹ До свиданья! (фр.)